

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х19

Ксения Хан
ГЛАЗА КОЛДУНА

Хан, Ксения.
Х19 Глаза колдуна / Ксения Хан. — Москва : Издательство АСТ,
2019. — 416 с. — (ONLINE-бестселлер).

ISBN 978-5-17-115999-3

Ирландия, начало восемнадцатого века. Обвиненная в колдовстве травница Несса умирает на костре. Чтобы спасти ее маленькую дочь Клементину, убитый горем Серлас уносит ребенка в соседнюю деревню и ищет возможность уплыть за пределы страны. Какая-то сверхъестественная сила помогает беглецу, убирая с дороги всех, кто мог бы ему помешать, и Серлас подозревает, что дело в дочери Нессы и колдуна, которую он поклялся защищать.

Англия, наши дни. Теодор Атлас снова остается один — юная Клеменс с матерью возвращается домой во Францию. Вскоре после ее отъезда Теодор узнает, что он — не единственный, кто наделен даром бессмертия. Неожиданный союзник сообщает, что Клеменс в опасности, и Теодору необходимо срочно отправиться во Францию, чтобы таинственный враг не добрался до девушки раньше него...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-115999-3

© Ксения Хан, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019
В оформлении использованы материалы,
предоставленные фотобанком Shutterstock, Inc.

17. НЕЗНАКОМЕЦ С ЛИЦОМ ДАНТЕ

Художественная галерея внутри похожа на античный дом аристократа. Белые стены напоминают мраморные, а колонны отбрасывают косые тени на закате. В дни выставок и аукционов здесь столько картин, скульптур и мелких предметов антиквариата, что галерея превращается в царство, где правит бал искусство, а человек становится неважной деталью и теряет свою значимость перед легендами прошлых столетий.

Обычно девочку не пускают в аукционный зал во время подготовки к мероприятиям, но сегодня особенный день. Она огибает пузатую вазу бутылочного цвета на высоком гранитном постаменте, потом старательно обходит ряд стульев со спинками, увитыми резными виноградными лозами. Она запинается всего раз, когда до кафедры остается пара шагов.

— Клеменс, что я тебе говорил? — спрашивает отец, выходя из комнаты позади зала. Сейчас там, вокруг бюстов ученых разных столетий и монархов Великобритании, начиная с Елизаветы I, толпятся приглашенные сотрудники из Оксфорда.

— Я хотела взглянуть на все твоими глазами, — просто отвечает Клеменс. Генри невольно улыбается, и вся напускная строгость исчезает с его лица.

Он подходит к помосту, на котором установлена кафедра, — позолоченная табличка с именем, только недавно привезенная из мастерской, все еще лежит на столике рядом и ждет своего часа, когда сможет сверкать под прямыми лучами нескольких софитов во всей своей красе. Выбитые буквы лаконично гласят: «Генри Карлайл, зритель».

Клеменс гладит металл двумя пальцами и задумчиво разглядывает тонущее в позолоте отражение люстры под потолком, высоко над ней. Сегодня ее папа впервые будет вести аукцион. Сам, лично, без ядовитых комментариев мистера Лиддла, которые тот выдает столь высокомерно, что даже ей не нравится его слушать.

А завтра они с мамой улетят из Англии навсегда.

Чтобы не портить себе вечер грустными мыслями, Клеменс сердито трясет головой и взбирается на помост, проезжая коленками по грязному кафельному покрытию. Генри, охнув, спешит ей на помощь.

— Клеменс, ну что же ты... — ворчит он. — Белыми колготками всю пыль собрала, смотри.

Дочь упрямо надувает губы и встает, оказываясь с отцом лицом к лицу. Все-таки кафедра у него высоко стоит. Генри поправляет подол ее светло-зеленого платья и отвлекается, чтобы встретить внезапного посетителя.

Клеменс самостоятельно шагает к кафедре и стучится лбом о ее деревянный бок. Ей не хватает двух футов, чтобы увидеть то, что обыкновенно видит организатор аукциона: девочка низкая, и все, что открывается ее взгляду, — это дощатая поверхность кафедры, покрытая темным лаком, вытертым двумя продольными полосами. «Это они ее коленками так вытирают», — думает Клеменс.

Пока она разглядывает оставленные прошлыми зрителями следы, Генри тихо переговаривается с кем-то, кого Клеменс не видит. Ей слышны только мягкий голос отца, растекающийся по пустому залу глухим эхом, и низкая прерывистая речь незнакомца.

— Я слышал, вы выставляете сегодня несколько картин прерафаэлитов, — говорит тот. — Могу я взглянуть на них до аукциона?

— Это невозможно, — смеется Генри и тут же обрывает себя. — Простите, вы, должно быть, не знакомы с порядками нашей галереи. До тех пор пока лоты не пройдут тщательную проверку, мы не имеем права показывать их обществу. А вы к тому же не собираетесь оставаться на аукцион. Верно?

Клеменс выглядывает из-за кафедры и видит только спину человека, темно-синее тяжелое пальто на его плечах и руку в черной кожаной перчатке. Он кивает ее отцу и отходит к задним рядам стульев.

— Пап, — зовет Клеменс, — помоги мне.

— Ох, Бэмби! — спохватившись, вздыхает Генри и идет к дочери. — Прости, малышка, сейчас мне не до игр с тобой. Ты не могла бы присесть на стул и подождать, когда я немного освобожусь?

Клеменс кивает со всей своей серьезностью, которую переняла у матери и деда, и дает снять себя с помоста. Генри по привычке одергивает ее платье, а потом удаляется в дальнюю комнату к музейным сотрудникам и их экспонатам. Клеменс слышала, что аукцион будет благотворительным и все средства от выручки за ученые бюсты пойдут на реставрацию музея в Оксфорде.

«Наверное, это очень важно, — заключает Клеменс, садясь на стул в первом ряду, прямо перед

помостом. — Иначе папа бы провел этот вечер со мной, раз уж мы уезжаем».

Она рассматривает ставшую привычной кафедру (раньше за ней выступал противный мистер Лиддл, но его, к счастью, перевели в другой город, и теперь он не будет указывать отцу, что делать и говорить). Когда это ей надоедает, она переводит взгляд на голые стены, оборачивается, чтобы проследить за ползущим по колоннам солнечным лучом, и натывается на незнакомца в темно-синем пальто.

Он сидит в самом дальнем от нее углу, скрестив руки и склонив голову, и, похоже, дремлет.

Клеменс рассматривает его с жадным любопытством, поскольку ничего более интересного в зале нет. У незнакомца темные волосы, спереди чуть длиннее, чем со спины, и они одной тяжелой прядью спадают на его лицо, закрывая правую скулу. Клеменс не может знать, какого цвета его глаза, но думает, что они темные, как и весь он. Слегка загорелая кожа, что в здешних местах редкость, выдает в нем приезжего. Девочка кивает самой себе и радуется, что смогла провести целую логическую цепочку, судя только по внешности незнакомца.

Она хочет подойти ближе, чтобы рассмотреть объект своего внезапного интереса и завершить мысленный эксперимент в стиле Шерлока Холмса, но что-то ее останавливает. Мама всегда говорит, что она должна быть вежлива и тактична, ибо вежливость — доспехи леди. А подходить к незнакомому мужчине и разглядывать его во все глаза, пока он спит, было бы крайне некультурно с ее стороны.

Так что Клеменс, преодолевая собственное желание, уже зудящее в копчике, остается сидеть на своем стуле.

И вскоре к ней выходит Генри. За ним, пыхтя и потея, два молодых человека несут картину в золоченой раме. Клеменс вскакивает, чтобы рассмотреть ее, прежде чем поверх холста упадет тяжелая вуаль и скроет от посторонних глаз.

На картине мужчина в черных одеждах и венке из зеленых листьев смотрит на женщину в красном платье. Позади нее шепчутся одинаковые подружки, но Клеменс даже не обращает на них внимания, впиваясь взглядом в выражение лица человека в черном. У него смуглый орлиный нос и смуглый точеный подбородок, а глаза из-за тяжелых век кажутся сонными. Они темные, как его волосы и одежды.

— Нравится? — спрашивает Генри, и Клеменс, не отрывая взгляда от картины, быстро кивает. — Это написал один из ярких художников девятнадцатого века, Данте Габриэль Россетти, — поясняет он любопытной дочке. — Здесь он изобразил встречу Данте — только не себя, а того, что написал «Божественную комедию», — и его возлюбленной Беатриче в раю.

— Они оба умерли? — ахает Клеменс.

— Да, только ему пришлось пройти девять кругов ада, чтобы вновь встретиться с любимой.

Молодые сотрудники тем временем ставят картину на треногую подставку и, выдохнув, кивают Генри. Тот снимает с крайнего стула в первом ряду темное полотно, но, прежде чем накрыть им картину, дает дочери пару минут ее рассмотреть.

— Он не выглядит счастливым, — заключает наконец Клеменс, склонив голову набок. Черты лица так приглянувшегося ей человека с картины кажутся почти живыми, но какими-то грустными. Ей неожи-

данно нравится то двойственное чувство, что возникает внутри нее при взгляде на картину в золоченой раме. Словно она видит заключенного в полотно живого человека, который никак не может вырваться на свободу и играет роль, уготованную ему художником.

Словно он один из героев ее видений, что прячутся по ночам за пустыми картинными рамами в галерею отца.

— Россетти часто изображал в своих работах Данте и Беатриче, его любимую, — говорит Генри тихо, видимо, боясь спугнуть восхищение Клеменс. Но она хмурится и качает головой.

— Мне не нравится, как он на нее смотрит, — заявляет наконец дочка. — Он совсем не рад ее видеть.

Генри смеется, и его мягкий смех эхом отдается во все углы выставочного зала.

— Он прошел девять кругов ада, чтобы встретиться с ней, Бэмби.

— Думаешь, он просто устал?

— Наверняка устал.

Клеменс кивает со знанием дела и отходит к ряду стульев, наблюдая, как Генри закрывает картину плотной темной тканью. Теперь загадочного мужчину и его даму Клеменс не увидит до самого вечера, когда картину покажут всем гостям. Девочка слышала из разговоров взрослых этим утром, что первый лот должен быть очень дорогим и организаторы аукциона надеются выручить за него большие деньги. Это ведь он?

Клеменс уже не кажется странным, что за одни полотна некоторые люди готовы выложить огромные суммы, а к иным работам относятся с пренебрежением. Например, в прошлом году какой-то коллекцио-

нер выкупил маленький пейзаж за несколько тысяч фунтов, а большой, ростом почти с нее, картине пришлось искать место в галерее, потому что никто не захотел приобрести ее за приличные деньги.

— Па-ап, — зовет Клеменс, когда Генри в очередной раз проходит мимо нее с планшетом в руках и бормочет под нос приветственную речь. Он волнуется, но Клеменс, погруженная в свои фантазии, замечает лишь то, что отец на нее не смотрит. — Ну папа! Послушай же!

— Что, олененок?

— Слушай, — заговорщицки шепчет Клеменс. — Я тут подумала... А тот человек с картины, ну, Данте, он давно жил?

Генри морщит лоб, так что его очки сползают с переносицы на кончик носа.

— Давно, Клеменс, — отвечает он. — Прости, мне нужно еще решить пару вопросов. Посиди тут тихонько, хорошо? Я вернусь, как только улажу все проблемы.

Отец удаляется из зала, оставляя шумных оксфордских сотрудников в дальней комнате и дочку в полупустом выставочном зале. Клеменс сосредоточенно болтает ногами, сидя на стуле в первых рядах, а потом воровато оглядывается. Спящий незнакомец в темном углу никуда не делся и продолжает вызывать ее любопытство. Она отмечает впалые щеки мужчины и угловатые плечи, обтянутые темно-синим твидовым пальто, а потом, пока никто из сотрудников не видит, сползает со своего места и идет к забытой отцом картине на подставке.

Она только разок взглянет на Данте — всего раз, чтобы убедиться, что ей не показалось. Похож

ли спящий человек на изображенного на картине? У них схожи глаза, с одинаковыми тяжелыми веками, и острые носы. А еще скулы обоих кажутся восковыми из-за нездорового цвета кожи. То ли незнакомец сбежал с картины, то ли его брата поместили внутрь рамы и запечатали в полотне.

Так ли это?

Клеменс осторожно приподнимает уголок тяжелого покрывала за самый край.

— Эй!

От внезапного окрика молодого работника музея она вздрагивает, а спящий в тени человек просыпается. Клеменс отпускает ткань и смущенно пятится.

— Не трогай тут ничего, — строго предупреждает молодой человек и, для верности окинув девочку сердитым взглядом, возвращается к своим коллегам. Дверь в комнату приготовлений он оставляет открытой, чтобы можно было следить за маленькой дочерью смотрителя галереи.

Клеменс надувает губы и оборачивается.

Незнакомца нет на прежнем месте.

Она вертит головой и, осмелев, бежит к последним рядам стульев, где до этого он спал. Его нет. Ни следа, как будто он испарился, не сходя с места. «Волшебник!» — думает Клеменс и восхищенно пятится обратно к помосту с кафедрой, не сводя глаз с того стула, где сидел неизвестный.

«Я тебя запомнила!» — мелькает в ее голове шутливая угроза, которая забывается ближе к началу аукциона.

Всплыть ее воспоминаниям суждено спустя год, когда Клеменс, впервые блуждая по Лувру с дедушкой, вдруг видит того же Данте на другой картине

Габриэля Россетти. Смуглая кожа, тяжелые веки, из-за которых взгляд кажется то ли сонным, то ли высокомерным. Высокий и худой, с острыми скулами и острым же подбородком, орлиным носом и тонкими длинными пальцами.

Табличка временной выставки гласит: «Данте Габриэль Россетти. Видение Данте. 1856 год. Холст, масло».

«Привет, Данте-незнакомец!» — улыбается Клеменс мужчине с полотна и, отстав от недовольного дедушки, подходит ближе к картине, почти наваливаясь на толстый заградительный шнур перед нею.

«Я тебя знаю, — упрямо думает девочка, глядя снизу вверх на смуглое печальное лицо человека с картины. — Я тебя знаю».

* * *

В ее закрытый блог нет доступа никому, даже матери — тем более матери. Так что комментарий, появившийся однажды вечером под одним из постов (собранные в ряд Берн-Джонс и два Уотерхауса), становится для Клеменс настоящей неожиданностью.

«Если ты ищешь человека с полотен прерафаэлитов, — тут же высокомерно заявляет таинственный посетитель, — то не с того начинаешь поиски».

Клеменс выгибает бровь и хмыкает. Каков наглец! Влез в чужой блог, еще и учить вздумал!

«Откуда знаешь, что я кого-то ищу?» — Клеменс сердито барабанит по клавиатуре первую половину вопроса, прежде чем вспоминает, что мать запретила ей сидеть в Интернете допоздна. Сейчас на часах половина второго. Если Оливия узнает, что дочь в такое время не спит и даже не зубрит очередной конспект

по международным отношениям, то Клеменс сильно попадет.

«*Нетрудно догадаться*», — лаконично сообщает нарушитель ее покоя. Клеменс злится.

«Что тебе нужно в моем личном блоге?»

«*Хочу помочь в поисках. Ты же думаешь найти человека с картин, да?*»

«Ты либо больной фанатик, либо глупец. Модели прерафаэлитов давно мертвы».

Клеменс останавливается и, переведя дыхание, добавляет:

«И я никого не ищу. Мне просто нравятся эти картины».

Таинственный комментатор не отвечает минут десять, и за это время Клеменс решает, что он слился. Недоделанный хакер. Идиот, возомнивший себя всезнайкой.

Который, как ни странно, вдруг разделяет ее большие фантазии.

Следующее сообщение приходит спустя полчаса, когда Клеменс уже думает выключать ноутбук. Зевая, она читает комментарий вполглаза.

«*Так ты видела его живую?*»

Ответить или нет? Сочтет он ее сумасшедшей — или разделит мнение, что загадочный незнакомец прерафаэлитов все еще бродит по свету? Вместо того чтобы написать хакеру «да», Клеменс печатает:

«Что ты об этом знаешь?»

И он присылает *фотографию*.

«*Похож? Если скажешь, что он не Тот Самый, многое потеряешь*».

Клеменс в немом ступоре разглядывает черно-белую фотокарточку целых пять минут. На ней —

отряд из семи человек, все в форме американской армии времен Вьетнамской войны, лица скрыты тенями от касок. В руках у каждого — ружье, в ногах стоят солдатские рюкзаки. Военные смотрят прямо на Клеменс, двое щурятся, один моргнул. Но среди этих лиц выделяется одно.

Надменный взгляд из-под полуопущенных тяжелых век. Нос с кривой переносицей — видимо, ломали не раз и, скорее всего, во время службы. Острый подбородок, худые и оттого еще более выделяющиеся скулы. Смуглая кожа, темные волосы.

Мужчина стоит позади всех и смотрит поверх голов своих сослуживцев лениво и небрежно, как будто вот-вот закатит глаза и отвернется.

Она бредит или человек с фотографии и тот, что изображает Данте у Россетти или принца-рыцаря у Берн-Джонса, похожи? Наверняка она сошла с ума. Это простое совпадение и не более. Да и не так уж сильно заметно сходство.

Верно?

Только Клеменс придвигает ноутбук ближе к свету настольной лампы и набирает сообщение:

«Кто ты такой и что знаешь о незнакомце с картин?»

На этот раз собеседник отвечает мгновенно:

«Меня зовут Шон, но ты можешь звать меня Палмер».

18. ХОЗЯИН СОМНЕНИЙ

Солнечный зайчик, отражаясь от угла стеклянной витрины, прыгает по стене; дрожит и витрина, и статуэтки в ней. Тихо звеня, они сердито вторят резким